

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

Он будет охотиться, пока его не остановят

Эффект
БУМЕРАНГА

Чингиз Акифович Абдуллаев

Эффект бумеранга

Серия «Дронго», книга 91

*Текст предоставлен правообладателем
Эффект бумеранга / Чингиз Абдуллаев: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-86418-8*

Аннотация

К знаменитому эксперту по вопросам преступности Дронго приходит известный психоаналитик Гуртуев. Оказывается, он разработал уникальную теорию, с помощью которой можно не только находить убийц-маньяков, но и предсказывать их будущие преступления. Дронго с трудом верится в подобное: ведь маньяки, как известно, самые непредсказуемые, а потому неуловимые преступники. Однако Гуртуев уверен в могуществе своего изобретения и предрекает: в самое ближайшее время на Урале появится новый серийный убийца, способный затмить своими деяниями самого Чикатило. Уверенность психоаналитика заинтриговала Дронго. И очень вовремя...

Книга также выходила под названием «Удар бумеранга».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	43
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Чингиз Абдуллаев

Эффект бумеранга

© Абдуллаев Ч.А., 2016

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Ищи меня в сквозном весеннем свете.
Я весь – как взмах неощутимых крыл,
Я звук, я вздох, я зайчик на паркете,
Я легче зайчика: он – вот, он есть, я был.*

Владислав Ходасевич.
«Ищи меня»

*Когда же мы наконец собираемся с духом и
вопрос задаем, то нередко нам уже не отвечают,
как ничего не ответит, промолчит Иисус, когда
однажды его спросят: «Что есть истина?» Вплоть
до наших дней длится это молчание.*

Жозе Сарамаго.
«Евангелие от Иисуса»

Глава 1

Когда раздался телефонный звонок, он просматривал выпуски свежих газет в Интернете и недовольно покосился на аппарат. После четвертого звонка включился автоответчик, сообщивший, что хозяина нет дома и можно оставить сообщение. Но услышав голос академика Бурлакова, с которым был знаком уже много лет – тактичный Бурлаков почти никогда не звонил на мобильный, предпочитая оставлять сообщения на городском номере, – Дронго сразу поднял трубку.

– Добрый вечер, Георгий Александрович, – поздоровался он. – Чем обязан вашему звонку?

– Здравствуйте, – сказал Бурлаков, – я рад, что застал вас дома. Должен заметить, что ваше последнее расследование в хосписе было просто уникальным. Говорят, вы выступили там не только в качестве эксперта, но и в качестве своеобразного целителя душ.

– Это просто слухи, – вздохнул Дронго. – Вы же знаете, что там, к большому сожалению, практически никому невозможно помочь, только немного облегчить их страдания.

– И вам это удалось. Но я звоню совсем по иному поводу. Дело в том, что ко мне уже несколько раз приходил профессор Гуртуев. Вы наверняка о нем слышали. Он – специалист по психоанализу, один из самых известных в этой области. Каким-то образом Гуртуев узнал, что вы мой близкий зна-

комый, и теперь настоятельно просит свести вас с ним. Мне не хотелось вас беспокоить, но он настаивает.

– Я слышал о нем, – сдержанно произнес Дронго.

– Тем лучше. Может, вы сумеете найти время, чтобы с ним встретиться?

– Разумеется. Дайте ему номер моего телефона.

– Спасибо. Я не мог этого сделать без вашего разрешения.

Полагаю, вам любопытно будет с ним поговорить – у него довольно интересная теория. Спасибо, что вы согласились, – еще раз поблагодарил Бурлаков. – До свидания.

– Всего хорошего!

Уже через десять минут Гуртуев позвонил. Очевидно, он с нетерпением ждал согласия Дронго.

– Добрый вечер, это говорит Казбек Измайлович Гуртуев. Простите, что воспользовался помощью академика Бурлакова, но без него мне трудно было бы на вас выйти.

– Все нормально, – ответил Дронго. – Когда вы хотели бы со мной встретиться?

– В любое удобное для вас время, – предложил Гуртуев, – но только, если можно, в приватной обстановке. Вы меня понимаете? У меня с собой будут документы, бумаги, и нам никто не должен помешать.

– Тогда приезжайте на проспект Мира. – Дронго назвал номер дома, где изредка принимал особых гостей. Там обычно дежурили Леонид Кружков и секретарь Инга, разбиравшие почту и отвечавшие на телефонные звонки. Иногда

появлялся Эдгар Вейдеманис, напарник и друг, с которым их связывала многолетняя дружба. И почти никогда – сам Дронго, приезжавший туда только ради сверхважных встреч.

– Обязательно приеду, – пообещал Гуртуев. – В котором часу вам удобно?

– Часам к двум, – предложил Дронго, и они вежливо попрощались.

Дронго сразу же позвонил Кружкову и Вейдеманису и предупредил их о завтрашней встрече. Эдгар на всякий случай решил уточнить:

– Это не тот ученый, который занимается психоанализом преступников?

– Именно тот, – подтвердил Дронго. – Он попросил назначить встречу в таком месте, где нам никто не сможет помешать, но, надеюсь, не станет возражать против твоего участия в беседе.

На следующий день ровно в два часа дня в его небольшой кабинет вошел профессор Гуртуев. Ему было примерно под шестьдесят, среднего роста, с большой головой, почти лишенной растительности, в крупных роговых очках. Щеточка седых усов делала его гораздо старше своих лет. Мясистое лицо, узкие азиатские глаза с нависшими мешками, очевидно почки не в порядке. Он был одет в строгий черный костюм в крупную белую полоску. В руках – черная кожаная папка с документами. Рукопожатие его было достаточно энергичным и сильным. Увидев в кабинете Вейдеманиса, он не выра-

зил никакого удивления и представился обоим напарникам:

– Казбек Гуртуев.

– Меня обычно называют Дронго, – произнес традиционную фразу хозяин кабинета. – А это – мой друг и напарник Эдгар Вейдеманис.

– Я слышан о нем, – чуть улыбнулся Гуртуев, повернувшись к Эдгару. – Кажется, вы раньше работали в КГБ, господин Вейдеманис?

– Мы все где-то когда-то работали, – недовольным тоном заметил Эдгар. – Вы считаете это недостатком?

– Скорее достоинством, – кивнул гость. – Не забывайте, что я старше вас и большую часть жизни прожил в стране, которой уже нет. А тогда умели готовить профессионалов.

– Согласен, – улыбнулся Дронго и предложил Гуртуеву кресло.

Они с Вейдеманисом были примерно одного роста, оба высокие, подтянутые, такие похожие и не похожие друг на друга. Вейдеманис – типичный латыш, с вытянутым узким лицом, рысьими серыми глазами и с копной темных волос, уже начинающих седесть. Гуртуев сел в кресло, раскрыл свою папку и достал документы.

В этот момент в кабинет вошла Инга и спросила, что будет пить гость. Он попросил обычный, крепко заваренный чай. Секретарша знала, что Вейдеманис пьет кофе без сахара и молока, а Дронго предпочитает зеленый чай с жасмином. Она кивнула и быстрым шагом удалилась.

– Я много слышал про ваши расследования, – начал Казбек Измайлович, – и давно хотел с вами лично познакомиться. Но немного беспокоился, что вы, как бы это лучше выразиться, не воспримете серьезно то, что я вам расскажу. Мне нужны были рекомендации такого солидного человека, как Георгий Александрович.

– Мы уже закрыли этот вопрос, – напомнил Дронго. – В любом случае я привык серьезно относиться к словам моих собеседников, иначе просто занимался бы другим делом. Тем более к словам такого известного ученого, как вы.

– Спасибо. Итак, начну. Я пришел со своей теорией и хочу вас с ней познакомить. Я – ученый, и меня интересуют конкретные факты, сравнительные анализы, психотипы преступников, математические закономерности или возможные погрешности в подобных преступлениях. Я занимаюсь этим уже достаточно давно, более тридцати пяти лет. Как мне кажется, за эти годы удалось получить некоторые результаты, и толчком стал случай, происшедший в Смоленске больше двадцати пяти лет назад. Серийный убийца, некто Волков, которого искали по всему Союзу, оказался в этом городе. Потом его осудили и расстреляли, но дело не в этом. Он уже знал, что его ищут и кольцо вокруг него сжимается, поэтому прятался, менял адреса, переезжал из города в город, пытаясь сбить со следа следователей. А в Смоленске совершил очередное убийство. Меня тогда вызывали к нему в качестве эксперта, и Волков рассказал мне поразительную историю.

Он приехал в Смоленск с твердым намерением совершить очередное преступление. Волков – педофил и нападал в основном на мальчиков. Спрятался около какой-то школы и терпеливо ждал, пока не появится кто-то из детей. Наконец мимо него прошли, друг за другом, четверо мальчиков и у него была возможность напасть на каждого из них. Четверо детей, в возрасте от восьми до десяти лет. Но он спокойно пропустил троих, напал на четвертого. Мне стало интересно, почему он выбрал именно четвертого. И знаете почему?

Дронго нахмурился. Он не любил истории про подобного рода маньяков и насильников, но не стал перебивать собеседника. Гуртуева явно волновала эта тема, и он продолжил:

– К тому времени мы уже работали с подобными преступниками. Я понимал, что у педофила, как у любого другого человека, могут и должны быть свои пристрастия, понимал, что один мальчик мог понравиться больше, чем другие. Такое вполне возможно и объяснимо с точки зрения психологии. Но выяснился абсолютно парадоксальный факт: среди троих ребят, прошедших мимо перед четвертым, оказавшимся его жертвой, был его брат-близнец. Он прошел на несколько минут раньше, так как торопился домой и не стал ждать брата. Этот поразительный случай меня очень взволновал. Почему убийца пропустил одного близнеца и напал на другого? Ведь даже родной отец их часто путал, не говоря уже о том, что оба брата были одинаково одеты, одинаково причесаны. Тогда в чем дело? Почему преступник выбрал

именно четвертого? Я разговаривал с убийцей, пытаюсь понять, что же все-таки за этим стоит? Он долго не хотел отвечать, а потом разоткровенничался и объяснил, что каким-то непонятным образом почувствовал – на первых трех лучше не нападать, а выбрал именно четвертого. Как зверь, нападающий на свою добычу, чувствует панику и вибрацию страха возможной жертвы, так и он ее почувствовал. Если же хищник интуитивно понимает, что встретит возможное сопротивление или потерпит неудачу, тут же отступает.

– Этот подонок чувствовал свои жертвы? – нахмурился Дронго. – А может, все проще? Может, четвертый мальчик приглянулся ему больше тех трех?

– Тогда почему не приглянулся его брат-близнец? Убийца так и не смог внятно объяснить выбор своей жертвы. Все время твердил, что он просто чувствовал. Я начал изучать сравнительные характеристики всех четверых детей. Обычные ребята из среднестатистических семей, и одеты одинаково: белые рубашки, темные брюки, красные галстуки, у всех в руках почти одинаковые портфели. А второй даже задержался в подъезде дома, чтобы выкурить сигарету. Это в десять-то лет. Но убийца, стоявший этажом выше, его не тронул. Тогда в чем дело? Я занимался этим вопросом несколько месяцев. Потом уточнил, что ребят звали Владимиром, Игорем, Семеном и Алексеем. Алексей был братом-близнецом Владимира. Вот такой интересный факт.

– Я не совсем вас понимаю. Вы считаете, что убийца вы-

бирал их по именам?

– Разумеется, нет. Он не знал имени ни одного из этих мальчиков. Но погиб именно Алексей, это самое хрупкое имя среди остальных.

– Что значит «хрупкое»?

– Не такое защищенное, как остальные, – пояснил Гуртуев.

– Теперь понятно, – сказал Дронго. – Вы считаете, что есть имена, защищающие от преступников, а есть так называемые «хрупкие», незащищенные. В таком случае, при выборе имени родители должны знать об этом и не называть своего ребенка «хрупким» именем.

– Вы меня не совсем поняли, – нахмурился гость. – Повторяю, я пришел сюда не для того, чтобы развлекать вас очередной безумной версией. Мои доводы основаны на многолетних исследованиях. Разрешите, я продолжу. Через некоторое время убийство произошло в Казани. Убийцей оказался сбежавший из тюрьмы преступник. Ему нужны были деньги и документы. Он прятался недалеко от вокзала, терпеливо выжидая возможную жертву. И дождавшись одинокого прохожего, пристрелил его и забрал все документы и деньги. Самое поразительное, что и в этом случае он мог убить другого человека, попросившего у него прикурить, но почему-то не выстрелил в него. Преступника звали Тимур. Нашлись и два свидетеля, ожидавшие в то время поезда. Их имена – Салахатдин и Чингиз. А погибшего, в которого вы-

стрелил сбежавший преступник, звали Хусейн. Можете себе представить, какой шок я испытал, услышав эти имена. Вы ведь родом из Баку, должны понимать, что это означает.

Эдгар вопросительно посмотрел на Дронго, не совсем понимая последние слова гостя.

– Дело в том, что имена Чингиз и Тимур довольно распространены среди татар, и вообще среди мусульман, – пояснил Дронго, – особенно у тюркских народов. Так звали двух правителей – Чингизхана и Тамерлана, то есть Хромого Тимура. Салахатдин же был египетским правителем, успешно сражавшимся с крестоносцами и отвоевавшим Иерусалим.

– Это я знаю, – ответил Вейдеманис. – А при чем тут Хусейн?

– Один из самых почитаемых людей среди шиитов, – продолжал Дронго. – Мечеть, где он похоронен, самая посещаемая в иракской Кербеле. Рядом находится мечеть его отца, имама Али, мужа Фатимы, дочери пророка Мухаммеда. Шииты считают, что Хусейн, павший смертью храбрых на поле боя, был законным наследником пророка, так как являлся его внуком. И сегодня во многих странах, где живут шииты, отмечают день траура, когда верующие фанаты наносят себе удары цепями, плетьюми и просто ладонями, в память о погибшем мученике имаме Хусейне. Это имя предполагает жертвенность, я вас правильно понял, уважаемый профессор?

– Да. Я решил изучить этот вопрос более досконально и

для начала взять за образец Россию. Разумеется, я не могу проверить криминальные случаи из далекого прошлого, но на примерах конкретных исторических личностей можно проследить, как сказывались имена этих правителей на их судьбах.

– Вы считаете, что судьба человека зависит от его имени?

– Не только от имени. Но очень часто имя определяет характер и судьбу. Должен заметить, что и время рождения играет немаловажную роль – зимние дети отличаются от летних, весенние от осенних. Ведь и питание, и самочувствие матери меняется в зависимости от конкретных условий той или иной местности.

Но я решил взять исторические имена, ведь судьбу правителей отслеживать гораздо легче, чем судьбу обычных людей, и вот что выяснилось: оказывается, имена Владимир или Александр просто «обречены» на успех.

Инга внесла в кабинет поднос с чашечкой кофе и двумя стаканами чая, поставила его на стол и быстро удалилась.

– Ваши изыскания очень понравились бы правящей партии, – иронично заметил Дронго. – Имя второго президента России как раз совпадает с вашим предположением.

– Дело не только в нем. Иногда достаточно «твердое» имя и «хрупкое» отчество нейтрализуют друг друга. Специалисты в этой области предпочитают другой термин – «жесткие» и «мягкие» звучания. Некоторые даже считают, что «жесткие» отчества – это Игоревич или Станиславович, а вот Ива-

нович или Владимирович – намного мягче. Я провел собственные изыскания и не вполне с этим согласен. Но абсолютно очевидно, что имя и отчество любого человека, в сочетании с его датой рождения, очень сильно влияют на судьбу.

– Господин Гуртуев, – перебил профессора Дронго. – Я не сомневаюсь в ваших фактах и научной компетенции, но не совсем понимаю, почему именно нас вы решили познакомиться с этой теорией. Вполне допускаю, что имена и даты рождения так или иначе влияют на судьбу человека, но как это можно использовать в практических целях? Ведь имя не может быть полной доминантой судьбы, иначе Адольф Шикльгрубер, взявший псевдоним Гитлер, и московский раввин Адольф Шаевич прошли бы одинаковый жизненный путь. Таких примеров могу привести сколько угодно...

– Я еще не закончил, – возразил Гуртуев. – Разрешите продолжить?

– Да, конечно. Извините, что перебил вас.

– Итак, я хочу привести конкретные исторические примеры. Начнем как раз с имени «Владимир», о котором мы с вами говорили. Посмотрите сами. Владимир Ярославович был сыном Ярослава Мудрого. По приказу отца он отправился в поход на Константинополь. И хотя буря разметала его корабли, он не только остался жив, но и вернулся с войском обратно, а позднее заложил в Новгороде церковь Святой Софии. Про успехи Владимира Мономаха вы наверня-

ка слышали. Его правление считается высшей точкой развития Киевской Руси. Вспомним еще и Владимира Святославовича, который, несмотря на все трудности, с помощью варягов одолел своего старшего брата Ярополка. Затем Владимир Андреевич Храбрый, троюродный брат Дмитрия Донского. Можно перечислять еще довольно много имен. И наконец, уже в двадцатом веке, самую успешную революцию совершил Владимир Ильич Ленин и его соратник по партии Лев Давидович Троцкий. Владимир и Лев – два таких имени неминуемо должны были победить.

– А если бы у них были другие имена, революции бы не произошло? – с иронией заметил Вейдеманис.

– У них была бы иная судьба, – ответил профессор. – Но давайте перейдем к другой теме. У многих народов, если мальчик тяжело болел, ему меняли имя, чтобы обмануть ангела смерти, пытавшегося забрать его из этого мира, и мальчик выздоравливал. При этом любопытно, что старших наследников в царских домах никогда не называли именами предков, погибших или умерших не своей смертью. После убийства Петра III в царской фамилии Романовых больше не было наследников с таким именем. После убийства Павла тоже царей так не называли, хотя младшим сыновьям подобные имена давали.

– Тогда самое несчастливое имя было у Николая II, – не удержался Вейдеманис. – Ведь всю семью расстреляли.

– Правильно. Николай I умер, разочаровавшись в своей

одиозной политике, когда практически вся Европа выступила единым фронтом против него в Крымской войне, и даже страны, формально сохранявшие нейтралитет, оказались враждебны России. Интересно, что его старший внук, Николай Александрович, должен был стать царем, но умер совсем молодым, и престол перешел второму внуку, Александру III. А уже потом появился царь Николай Александрович, его сын. Чем закончилась его судьба, вы прекрасно знаете. Интересно, что после «тишайшего» Алексея Михайловича прямым наследником престола был его внук и сын Петра I Алексей Петрович, которого удавили по приказу отца. Николай II рискнул назвать своего сына Алексеем, но несчастный мальчик так и не стал царем, его убили.

– Так можно под вашу теорию подогнать любые имена, – возразил Вейдеманис. – Между прочим, революцию делали еще несколько человек: Сталин, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков. Как быть с ними?

– Сталин не очень верил в мою теорию, – усмехнулся Гуртуев, – он расстреливал всех подряд. Кстати, Каменева звали Лев, а Зиновьева Григорий. Очень мощные имена. Но «святой» Иосиф, конечно, сильнее. Что касается Бухарина и Рыкова, их звали Николай и Алексей. Здесь моя теория почти подтверждается.

– Если говорить о правителях, то после Бориса Годунова в истории России не было самодержцев с такими именами, – вставил Дронго. – Хотя первый президент России но-

сил именно это имя.

– Верно. И чем это закончилось? Он добровольно ушел в отставку, и его время до сих пор считается самым «окаянным» в истории страны двадцатого века. А еще вспомните святых Бориса и Глеба, убитых по приказу своего брата. Я уже не говорю о болгарских царях Борисах, каждый из которых был примером неудачного правления в собственной стране.

– Тогда Леонид Брежнев и Никита Хрущев были людьми с «твердыми» именами, – с улыбкой заметил Дронго. Его пока забавлял этот разговор.

– Безусловно. Леонид вообще героическое имя. Что касается Никиты, он менее защищен. Зато Юрий и Константин тоже очень выделяются, это к тому, что так звали следующих генсеков.

– Имена не очень-то им помогли. Оба были тяжело больны, – напомнил Дронго.

– Это к вопросу об их здоровье. А я говорю о политических амбициях и состоявшихся карьерах.

– В таком случае самым неудачным правителем в России и в Советском Союзе был Михаил Горбачев, – не унимался Дронго. – Как у вас с этим именем? Есть исторические аналоги, кроме первого царя Михаила Романова?

– Сколько угодно. Начнем с того, что и самого первого царя из династии Романовых выбрали потому, что он был человеком недалекого ума и с полным отсутствием амбиций. Все

историки знают, что при нем фактически правил его отец, патриарх Филарет. После Михаила Романова в российской истории мог быть еще один царь Михаил, младший брат Николая II, в чью пользу он и отрекся. Его расстреляли в Перми уже в восемнадцатом году. Был также Михаил Борисович, последний тверской князь, бежавший из своей вотчины при вступлении туда войск московского князя. Затем Михаил Всеволодович – князь черниговский, новгородский и Великий князь киевский. У него тоже все отняли, он сбежал в Венгрию, а затем вернулся в Золотую Орду, где его и убили. Михаил Обренович – сербский князь, убитый заговорщиками в середине девятнадцатого века. Михаил Шишман, болгарский царь, безуспешно сражался с сербами, потерпел поражение, попал в плен, там и умер. Михаил Ярославович, великий князь Владимирский, убит в Золотой Орде. Достаточно, или продолжать? Думаю, с таким именем на Руси правителям явно не везло.

– Если бы вместо Михаила Горбачева был Виктор Гришин или Григорий Романов, Советский Союз мог бы сохраниться? – продолжал веселиться Дронго.

– Не смейтесь, – попросил Гуртуев. – Есть субъективная сторона, а есть объективная. Нарастающие экономические трудности, падение цен на нефть, низкая эффективность социалистической экономики, наконец, межнациональные столкновения – все эти объективные факторы разрывали страну на куски. А имя – всего лишь небольшой субъектив-

ный фактор, сказывающийся на общей ситуации. Но я хочу закончить с политиками и снова вернуться к криминалистике. Дело не в том, кого и как зовут, это как раз не самое главное. Есть и другой фактор – речь идет о маньяках и серийных убийцах, которых в последние годы становится все больше.

– Надеюсь, вы не вычислили общее имя всех этих преступников? – пошутил Дронго.

– У них разные имена, – не принял шутки профессор, – но есть нечто общее, о чем я и хочу рассказать.

Глава 2

Он точно помнил, как все это произошло в детстве. Каждый мальчик, так или иначе, помнит подобные события, но они наложились на страх и боль, оставшиеся в нем на всю жизнь и повлиявшие на его судьбу. В четвертом классе у них появился татарский мальчик Мурат, оставшийся на второй год. Он умудрился провалиться по всем предметам, несмотря на титанические усилия педагогов. Директор лично переправил три отметки, заставив преподавателей расписаться под этими отметками, но, к его огромному сожалению, учителем математики была бывшая фронтовая снайперша, секретарь партийной организации и член районного комитета партии. Она возмутилась абсолютным невежеством Мурата и явным нежеланием мальчика учиться. К тому же он поспорил, что его все равно переведут в следующий класс, даже если он совсем не будет отвечать. Это так возмутило учительницу математики, что она выставила ему окончательную двойку по итогам года и, несмотря на все уговоры директора школы, не изменила своего решения. И еще умудрилась покритиковать директора и своих более стоворчивых коллег на партийном собрании, заявив, что они не должны воспитывать лодырей и тунеядцев. Таким образом Мурат снова остался в четвертом классе, несмотря на свой возраст и протесты большинства родителей, убежденных в его дурном

влиянии на своих детей.

Они были недалеко от истины. Мурат уже научился курить, даже пробовал легкие наркотики – и это в двенадцать лет! Вместе с двумя братьями он рос у матери-одиночки, работавшей сразу в трех местах уборщицей, чтобы прокормить своих мальчиков. Мурат был старшим, двое других, братья-близнецы, были от другого отца и младше Мурата на шесть лет. Может, поэтому он их не очень любил и не обращал на них никакого внимания, предпочитая уходить из дома, даже когда мать просила накормить или позаботиться о братьях. Мурат приучил почти всех одноклассников к куреву, угощая их дешевыми сигаретами без фильтра, и рассказывал им, откуда берутся дети, причем с ошеломляющими подробностями. Вениамин помнил, какое впечатление произвел на него рассказ Мурата. Он прибежал домой и заперся в туалете, не решаясь разговаривать с матерью или старшей сестрой, а потом несколько дней старательно избегал общения с ними. А Мурат посвящал их во все новые и новые подробности. Он даже хвастался, что успел лично пообщаться с женщиной, заплатив какой-то проститутке на вокзале. Конечно, он врал – откуда в его семье могли быть лишние деньги даже на вокзальную проститутку, – но врал так убедительно, что ребята верили и даже завидовали ему.

Летом у некоторых начались поллюции. Так по-научному называется факт, когда вступающие в пору юношества подростки становятся мужчинами, и в переходном возрасте на-

копившаяся энергия требует самоудовольствования. А после летних каникул перешедший с ними в пятый класс Мурат предложил отправиться на вокзал и найти подходящую женщину за небольшие деньги.

Рискнули отправиться вместе с Муратом только трое. Он сообщил, что на все удовольствие нужно двести рублей. Таких невероятных денег не было ни у кого. Леонид Стасильников, большой выдумщик, сумел убедить родителей, что в школе собирают деньги на предстоящую летнюю поездку в столицу, и получил под это «путешествие» целых пятьдесят рублей. Второй, Яша Хейфец, разбил свою копилку. Третьим был Вениамин. Он продал свой магнитофон, который ему из Германии привез дядя. Он служил офицером в советской группе войск в Восточной Германии. Магнитофон стоил гораздо дороже, но его купили за восемьдесят пять рублей. Это были по тем временам очень большие деньги. В итоге у них набралось сто девяносто рублей, и Мурат великодушно согласился отвести их за эту сумму.

Но повез он их не на вокзал, а совсем в другую сторону, на окраину города, в покосившиеся старые дома, стоявшие здесь с начала века. В одном из них обитала некая Тина, которой Мурат пообещал сто двадцать рублей, если она сумеет сделать все, как нужно, и был страшно доволен, что зарабатывает на этой «операции» целых семьдесят рублей. Откуда он мог знать, что обычная «ставка» сорокалетней Тины, жившей со старухой-матерью, была двадцать пять рублей, и она

тоже считала себя «удачной коммерсанткой».

Мурат провел их в квартиру, предупредив, что шуметь нельзя, так как в соседней комнате обитает мать Тины. Мальчики, напуганные предстоящим «посвящением» и всей обстановкой, подавленно молчали. Появилась Тина, одетая в какой-то темно-зеленый халат. Она кивнула ребятам, проходя в спальню, и через минуту крикнула оттуда, чтобы заходили по одному. Ребята переглянулись, никто не решался пойти первым.

– Я пойду, – вызвался Мурат.

Он вышел через десять минут с многозначительным видом и удовлетворенно кивнул головой, приглашая следующего. Мальчики опять переглянулись. Они боялись признаться даже самим себе, что самое большое желание каждого из них – немедленно смыться. Но отступить было поздно, поэтому следующим рискнул Леонид Стасильников. Он вошел в спальню и оставался там гораздо дольше, чем Мурат. Вернулся Леонид с каким-то растерянным лицом и вдруг согнулся, словно от боли. Никто даже не успел сообразить, что именно произошло, как Мурат быстро потащил мальчика в туалет. По раздававшимся оттуда звукам стало понятно, что Леонида стошнило.

Следующим должен был идти Вениамин. Яша искоса посмотрел на него и пожал плечами. Было видно, что он боится, его колотило от страха так, что на него жалко было смотреть. Вениамин поднялся и буквально заставил себя войти в

спальню. Очевидно, на него подействовало и состояние Яши, и неожиданное поведение Леонида, и собственная неуверенность. Страх и сомнения боролись в нем с желанием, он чувствовал себя словно во сне. В комнате было накурено. Тина равнодушно взглянула на него. Она лежала на кровати голая, даже не прикрывшись, и он впервые в жизни видел такую бесстыжую и отвратительную в своей откровенности наготу.

– Иди, – хрипло позвала она его.

Он подошел ближе, чувствуя, как его продолжает колотить от волнения.

– Раздевайся быстрее! – приказала Тина.

Он начал стаскивать с себя одежду, но пальцы его не слушались. Все прошло будто в тумане. Запах немытого тела, сигаретный угар изо рта, какие-то неловкие толчки. Правда, все очень быстро закончилось, и Тина сразу оттолкнула его от себя. Вениамин быстро оделся и вышел из комнаты. Но Яши Хейфеца в коридоре не было, он сбежал, не выдержав напряжения и увидев, в каком состоянии находится Леонид.

Оказалось, Яша заплатил за свою будущую здоровую жизнь только велосипедом, так как через некоторое время выяснилось, что все трое мальчиков заразились какой-то гадостью. Мурату не повезло больше остальных. Врачи говорили, что у него была больная печень, последствие перенесенной в детстве желтухи. Он умер через четыре года, так и не сумев закончить школу. А на лекарства и лечение у его матери просто не было денег.

Отец Леонида, главный инженер комбината, узнав, где был его сын и как обманул своих родителей, выманив у них деньги, сначала больно и зло выпорол его, а затем отправил лечиться в Москву. Леонида вылечили, но в школу он уже не вернулся, остался в Москве с бабушкой.

Вениамин долго скрывал свою болезнь. Он все время чесался, некоторые места покрылись какой-то непонятной пленкой, словно чешуей, но он упрямо ничего не говорил матери. И только через несколько месяцев, когда начались боли, она узнала обо всем. Врачи были очень недовольны запущенностью болезни и назначили лечение таблетками и уколами. Этот факт стал известен в школе, как и сам злополучный поход с Муратом. Вениамин превратился в школьную знаменитость. Всем хотелось посмотреть на молодого человека, успевшего подцепить какую-то заразу после контакта с гулящей женщиной.

Мать плакала, отдавая последние деньги на его лечение. Она работала экономистом на том самом комбинате, где и отец Леонида, считавший, что его мальчика «совратили» двое хулиганов из школы, выросших без отцов. Из-за случившегося мать была вынуждена уволиться с комбината и устроиться на работу в собес, где платили гораздо меньше и не давали обычных квартальных и годовых премий. Разумеется, эти изменения сказались на благосостоянии семьи. Старшая сестра была уже студенткой местного вуза, и на нее уходила оставшаяся часть зарплаты матери. Когда Вениамин

учился в десятом классе, мать продала квартиру, чтобы найти деньги на лекарства, и они переехали из своего дома, рядом со школой, на окраину города, в двухкомнатную хрущобу. Теперь до школы приходилось добираться с двумя пересадками и вставать раньше обычного.

Но лечение не помогало, боли все усиливались. Мать водила Вениамина к другим врачам, пытаясь помочь сыну, и ему назначили новый курс лечения каким-то редким и очень дорогим лекарством. Снова помог дядя Артем, который сумел достать этот препарат в Германии. Уколы были очень болезненными, но Вениамин терпел, сжав зубы. Он еще не представлял себе, как изменится его жизнь и его судьба после всего случившегося, пока однажды к нему не вернулось желание. Он уже заканчивал десятый класс.

Глава 3

Гуртуев отпил из чашки уже успевший остыть чай и продолжил:

– Следующий случай произошел в Ростовской области. Он связан с небезызвестным вам Чикатило. Редкий тип по своим нравственным характеристикам, настоящий садист и психопат, хотя эксперты признали его вполне вменяемым, что тоже вызывает много вопросов у любого непредвзятого криминалиста. Просто общество не готово к таким людям с искаженной психикой, которым требуется особое лечение, и требует возмездия, что вполне справедливо и понятно. Маньяков признают вменяемыми и сажают в тюрьму. А через какое-то время они выходят на свободу и продолжают убивать, если, конечно, не получают пожизненное заключение.

– Подобным типам в тюрьме приходится нелегко, – мрачно напомнил Дронго, – но экспертов понять можно. Ведь насильники и убийцы внешне ведут себя достаточно адекватно, поэтому их и признают вменяемыми. Я скорее соглашусь с экспертами, чем с вашей точкой зрения. Представляете, какой взрыв возмущения вызвало бы решение экспертов отправить Чикатило в больницу для лечения?

– Представляю, – кивнул профессор. – Я как раз был одним из тех, кто признал его абсолютно вменяемым, именно с таким расчетом, что его приговорят к высшей мере наказа-

ния. Но я хочу остановиться на другом. Меня заинтересовал один эпизод. Когда он ехал в поезде, то увидел вдруг группу девочек, возвращавшихся из училища домой. Они вышли на одной станции и разошлись в разные стороны. Причем первая, Вера, пошла через лес, вторая, Наталья, – вдоль речки, третья, которую звали Юлия, пошла через поселок. Вы не поверите, но маньяк последовал именно за ней, хотя логичнее было бы обратить внимание на первую девочку.

– Вы хотите сказать, что имя Юлия провоцирует на насилие? – мрачно спросил Дронго.

– Нет. Все не так просто. Получается, что он поступил не совсем логично, хотя маньяки обычно очень логичны в своих преступных действиях. Во всем, что касается выбора жертвы и сокрытия преступления, они действуют достаточно осторожно. Но он выбрал именно третью девушку. Я специально интересовался ее фамилией, именем, отчеством, временем рождения. И могу сообщить вам, что девушки с такими именами, родившиеся осенью, часто поддаются чужому влиянию, плохо переносят критику в свой адрес и достаточно долгое время испытывают депрессию. Мне удалось выяснить, что в тот день Юлия поссорилась со своими подругами, что тоже сказалось на ее самочувствии. И когда убийца позвал ее к заброшенному сараю, она машинально согласилась подойти к нему, тем самым обрекая себя на мучительную смерть. У меня здесь все данные, можете ознакомиться с ними более подробно. – Гуртуев показал на свои бумаги и

добавил: – Обратите внимание на ее отчество, фамилию и время рождения.

– Не сомневаюсь, что все они совпадут с вашими предположениями, – сказал Дронго, мельком взглянув на документы, – но, надеюсь, вы понимаете, что это всего лишь вероятность. Все могло быть по-другому, тысячи женщин с таким же именем, отчеством, даже фамилией, местом и датой рождения доживают до старости безо всяких приключений.

– Я говорил лишь о возможности, – напомнил профессор. – Поверьте, что все не так просто, как вам кажется на первый взгляд.

– Согласен, – ответил Дронго, – но лишь одна из возможностей. Предположим, я соглашусь с вами и вашей теорией. Но это всего лишь теоретические изыскания. Нельзя приставить охрану к каждой потенциальной жертве только потому, что у нее «мягкое» имя или «хрупкое» отчество и она родилась не в тот день, когда было нужно, чтобы иметь гарантированную защиту.

– Я говорю о другом, – возразил профессор. – Существуют определенные критерии, по которым убийцы или маньяки выбирают себе жертвы, плюс некий психологический фактор. Они словно чувствуют страх своей жертвы, ее своеобразную запрограммированность на гибель.

– С этим я тоже могу согласиться, – кивнул Дронго.

– Тогда возникает вопрос, как вычислить преступника? – задал сам себе вопрос Гуртуев.

– Только не говорите, что тоже по имени, – перебил его Дронго. – Иначе можно будет просто составить список «плохих» имен, которые не нужно давать детям при рождении, чтобы они не превращались в маньяков.

– Напрасно шутите. Нет конкретных имен, указывающих на маньяков. Есть только имена более или менее защищенные.

– Тогда как определять, способен человек на преступление или нет?

– Вот об этом я и говорю, – сказал профессор. – Начнем с того, что уберем убийства на бытовой почве, по неосторожности или в силу других каких-то причин. Оставим маньяков и садистов. Самое поразительное, что почти все они испытывали определенные проблемы в детстве. Либо жестокое отношение к себе родителей, либо насилие со стороны отца, либо неполные семьи, либо проблемы с потенцией в подростковом возрасте, которые приводят к ужасным последствиям.

– Начало этой теории заложил еще Фрейд, – вздохнул Дронго. – Все уже и так понимают, что наши детские сны часто превращаются в реальные кошмары, а перенесенные в подростковом возрасте трудности проецируются на взрослую жизнь. Так называемый «эффект бумеранга», когда перенесенные в детстве страдания превращаются в будущем в большую проблему для окружающих.

– Вот именно, – согласился профессор, – значит, суще-

ствуют потенциальные насильники, не обязательно вырастающие убийцами и садистами. Но общие тенденции проявляются уже в детстве, и можно научным методом определять группы риска. «Эффект бумеранга», безусловно, существует, практически у любого маньяка или серийного убийцы были соответствующие проблемы в детстве или насилие со стороны взрослых. Но пойдем дальше. Почему-то считается, что подобные насильники ведут замкнутый образ жизни, не способны на нормальную интимную жизнь и вообще не способны к социальной адаптации. Это тоже не совсем правильно. Среди потенциальных педофилов или насильников могут быть даже учителя, воспитатели, тренеры, по роду своей деятельности связанные с детьми. Некоторым удастся подавлять в зародыше этого дьявола, мобилизовать свои внутренние силы. Но и маньяки ведут достаточно пристойный образ жизни, имеют семьи, детей, работу.

– Тем труднее их обнаружить, – вставил Вейдеманис.

– Тем труднее, – согласился Гуртуев. – Но есть еще несколько факторов, так или иначе связанных с общим магнитным полем Земли и возможными аномалиями.

Дронго и Вейдеманис переглянулись, кажется, профессор слишком увлекся своими теоретическими изысканиями. Но Гуртуев не собирался обращать внимания на их взгляды.

– Давайте уточним наши позиции, – предложил Дронго. – Соглашусь с вами, что существует влияние имени и даты рождения на судьбу человека. Но в этом нет никакой ми-

стики, просто человек, интересующийся своим астрологическим гороскопом, интуитивно старается под его влиянием быть похожим на устойчивый тип своего знака. Он подсознательно совершает поступки, которых от него ждут, в результате чего постепенно меняется и его характер. Затем – имя. Безусловно, оно влияет на судьбу, но в другом смысле. Например, некоторые имена или фамилии становятся поводом для насмешек со стороны сверстников в детстве. Понятно, что человек с именем Александр отождествляет себя с людьми, занимающими определенное место в истории, и гордится своим именем. С преступниками же все ясно. Я занимаюсь расследованием тяжких преступлений уже много лет. Конечно, истоки тяжелых психических отклонений всегда лежат в детстве. Или почти всегда. Действительно срабатывает «эффект бумеранга», о котором знает любой опытный криминалист или эксперт, занимающийся подобными проблемами. Например, мальчик становится свидетелем, как режут корову или свинью или даже сворачивают голову курице, и в этот момент при виде крови испытывает сильнейшее сексуальное возбуждение. Подобные случаи описаны в научных разработках криминалистов и психологов. А спустя много лет вполне сформировавшийся мужчина уже не может нормально получать удовольствие без вида крови. Или отец слишком увлекается грубыми методами «воспитания» по отношению к своему сыну. Возможно, бьет его или мать, применяя к членам семьи насилие, иногда даже

чрезмерное. Или ребенок сталкивается с чем-то ужасным, что потом на всю жизнь откладывается в памяти. Если найти хорошего психотерапевта, в подростковом возрасте все это лечится. Я убежден, что «бумеранг» можно перехватить до того, как он вернется. Если заниматься каждым потенциальным маньяком индивидуально, количество будущих убийц было бы на порядок меньше. Но родители в таких случаях проявляют удивительную слепоту и глухоту. А потом бывает уже поздно. Но, простите меня, уважаемый Казбек Измаилович, при чем тут магнитные поля и земные аномалии?

– Я занимаюсь подобными исследованиями уже много лет, – снова заговорил Гуртуев, – и давно пытаюсь вычислить, где именно и когда появлялись серийные убийцы. Я составил графики по всей Европе и бывшему Советскому Союзу и обратил внимание на удивительные совпадения, о которых не говорят эксперты. У меня абсолютно точная статистика по всем подобным преступлениям за истекшие четверть века. Разрешите показать? – И он достал еще несколько бумаг с начерченными схемами. – Посмотрите, это только чистая статистика, а не мои личные наблюдения или умозаключения. Вот здесь частота появления маньяков и убийц по разным регионам. Обратите внимание, в России существуют две большие аномальные зоны – северокавказская, примерно в районе Ростова, и в районе Пермского края и Свердловской области. А теперь посмотрите на Европу. Здесь аномальные зоны находятся южнее Лондона, в северной Бель-

гии, в северо-восточной части Польши, в центральной части Боснии и на так называемом Пиренейском разломе, где граница проходит как раз между Испанией и Португалией.

– Значит, любой родившийся в этих местах подросток, столкнувшийся с определенными проблемами, может вырасти в убийцу? – не скрывая иронии, уточнил Дронго.

– Нет, не любой, – нахмурился Гуртуев, чувствуя отношение Дронго к его словам, – но вероятность появления возможного серийного убийцы здесь выше. Это не значит, что убийца не может появиться в Москве или Мадриде, Париже или Стамбуле. Но статистика – это математика, где все подчиняется строгой логике цифр. Посмотрите на количество преступников из этих мест и сравните с другими зонами. Про северокавказскую аномальную зону знают почти все российские эксперты. Я ничего нового не придумал.

Дронго взглянул на лежавшие перед ним схемы. Вейдеманис молчал, ожидая, что именно скажет его напарник.

– Предположим, что ваши схемы и статистические данные без погрешностей, – продолжил Дронго после затянувшейся паузы. – Но я не совсем понимаю, почему вы с этими таблицами пришли именно ко мне? Кстати, хочу заметить, самый известный серийный убийца, которого несколько лет назад искали по всей Европе, был с Пиренейского полуострова.

– Так называемый «Ангел Боли», – вспомнил Гуртуев. – Это как раз тот самый преступник, которого вы искали по всему континенту и наконец смогли обнаружить. Послед-

ствие «пиренейского разлома». Я выяснял про него, все его предки были из западных областей Испании. И вы обнаружили его благодаря собственной логике и усилиям, хотя можно было его вычислить и несколько иным способом.

– Скорее он обнаружил меня, – мрачно заметил Дронго. – Но не будем вспоминать, это было достаточно давно. Так зачем я вам все-таки понадобился?

– Согласно моим данным, в ближайшие несколько месяцев в уральской аномальной зоне может появиться новый серийный убийца, – пояснил Гуртуев. – Мне кажется, что такой человек, как вы, должен сыграть на опережение. Убийцу можно вычислить до того, как он начнет убивать.

– Это невозможно, – усмехнулся Дронго. – Ни один суд не может осудить человека только за намерение или желание кого-то убить. У каждого бывают срывы – на противного начальника, на нерадивого коллегу, даже на собственного мужа или жену. Но это не означает, что каждый человек реально пойдет и убьет. Простите меня, уважаемый профессор, но искать человека по намерениям, даже используя ваши самые проверенные аналитические и математические выкладки, будет не совсем профессионально с моей стороны.

– Вы не хотите меня понять, – явно раздражаясь, ответил Гуртуев. – Никто не собирается задерживать человека за возможные преступления. Но мы можем вычислить возможного серийного убийцу и помочь ему до того, как он начнет совершать свои преступления.

– Я не помогаю возможным преступникам и не умею их лечить, – сухо заметил Дронго. – Этим занимаются совсем другие люди. Моя задача – поиск конкретных преступников и помощь невиновным людям. Или жертвам преступления.

– Вы слышали о премии Филдса, которую недавно получил российский профессор математики Станислав Смирнов? – неожиданно спросил Гуртуев.

– Конечно. Кажется, эта награда считается у математиков чем-то сродни Нобелевской премии, – вспомнил Дронго, – а Смирнов является профессором Женевского университета.

– Неужели вы тоже увлекаетесь его математическими методами? – изумился профессор.

– Нет. Просто об этом написали все газеты, и невозможно было не обратить внимание на подобное достижение.

– Тогда вы меня поймете. Смирнов исследует природные явления с помощью математики. Он изучает критические явления природы, когда на определенной стадии происходят так называемые фазовые переходы, то есть количество и качество накапливающихся и меняющихся параметров самой системы бывает достаточным, чтобы привести к внезапному скачкообразному изменению самой системы. Я убежден, что подобные законы применимы и к нашей Вселенной. Она была создана, когда в какой-то момент произошел скачкообразный взрыв. Или взять возникновение разумного человека, к которому привели изменения, накопившиеся в человекоподобных обезьянах. Сам Смирнов обычно оперирует

более простыми понятиями. Например, железо неожиданно намагничивается при температуре около восьмисот градусов или вода переходит в охлажденный лед. Элементарные природные явления, объясняемые с помощью математических методов.

– Это я как раз понимаю. А вы считаете, что математически можно доказать и возникновение психопатов и маньяков в ваших «зонах»?

– Вот именно. Там тоже накапливаются определенные изменения, которые затем дают скачкообразную форму, выражающуюся в появлении подобных маньяков.

– И их можно вычислить? – удивленно спросил Дронго.

– Сложно, но возможно. Если оперировать моей теорией. Я убежден, что скоро подобный маньяк появится в уральской аномалии. Или уже появился, – упрямо повторил Гуртуев.

Дронго снова переглянулся с Вейдеманисом. Кажется, не удастся переубедить настырного гостя, заикленного на своей теории.

– И еще один интересный факт, – добавил профессор. – Не так давно Федеральная служба, занимающаяся оборотом наркотиков, решила создать два мониторинговых центра по контролю за наркотрафиком. Они создали эти центры в Ростове-на-Дону и в Екатеринбурге, мотивируя свое решение тем, что там основные центры переброски наркотиков. Как видите, мой вывод о возможной концентрации аномальных

явлений уже подтверждается.

– Одну минуту. – Дронго придвинул к себе ноутбук, вошел в Интернет и набрал нужную ему информацию. Затем поднял голову.

– Итак, господин Гуртуев, хочу вам кое-что сообщить. Давайте поговорим о вашем методе. Предположим, я готов отказаться от всех своих дел и заняться проверкой вашей теории. Но, перед тем как дать окончательный ответ, с помощью статистики сделаю небольшое резюме. Просто для вашего сведения. На территории Свердловской области проживает в настоящее время четыре с половиной миллиона человек, в Пермском крае – около трех миллионов, то есть в сумме получается семь с половиной миллионов. Предположим, что каким-то невероятным образом, сумев подключить все силы Министерства обороны, внутренних дел, МЧС, Федеральной службы безопасности и еще десятка двух других ведомств, удастся проверить эти семь с половиной миллионов. Хотя, думаю, никто нам не разрешит заниматься подобной самодеятельностью. Но тут возникает другая проблема, еще более неразрешимая. Территория Свердловской области составляет сто девяносто четыре тысячи квадратных километров, Пермский край – чуть больше ста шестидесяти тысяч, вместе – около трехсот пятидесяти тысяч километров. Получается больше, чем вся территория Великобритании, даже с учетом Северной Ирландии, и территория Италии, с учетом ее островов. Чтобы найти нужного человека

на таком пространстве, нужно потратить тысячу лет или две тысячи. Безо всякой гарантии на успех. Вам не кажется, что ваша затея выглядит несколько фантастической?

– Это тоже статистика, – улыбнувшись, добавил Эдгар Вейдеманис, – триста пятьдесят тысяч квадратных километров. Может, вы могли бы указать более точное место, «инкубатора» маньяков?

Гуртуев нахмурился и начал собирать свои схемы и таблицы.

– Вы меня не захотели понять, – разочарованно произнес он. – Но ведь я не наивный изобретатель «вечного двигателя» и пришел к вам с конкретным итогом своей многолетней работы.

– Не обижайтесь, – постарался успокоить профессора Дронго. – Неужели вы не понимаете, что это просто фантастический план – вычислить возможного убийцу, который еще не совершил никаких преступлений? А если он никогда их не совершит? И как найти его на такой огромной территории? Может, подскажите?

– Подскажу, – упрямо ответил Гуртуев. – Я не пришел бы к вам с подобным предложением, если бы не имел конкретного плана действий. Мне казалось, что такой умный человек, как вы, должен мне поверить. Семь с половиной миллионов человек – это не так много. Компьютер обработает их данные за несколько дней, нужно только использовать мою методологию.

Вейдеманис недоверчиво покачал головой, а Дронго признался:

– В жизни ничего подобного не слышал. Ладно, давайте послушаем о вашей «методологии». Каким образом вы предлагаете вычислить возможного потенциального убийцу? Может, он еще ходит в школу или в детский сад и совершит свои преступления только через десять или двадцать лет?

– Нет, – упрямо возразил Гуртуев, – он уже готов действовать и проявит себя в ближайшие несколько месяцев. Неужели вы не понимаете, какой это невероятный шанс – найти возможного серийного убийцу еще до того, как он начнет убивать. Если у вас получится, вы войдете в мировую историю криминалистики. А весь мир будет пользоваться «методом Гуртуева». Вы же опытный сыщик, господин Дронго, и наверняка много раз сталкивались с жертвами подобных преступлений. Неужели спокойно заснете после моего ухода? Если да, я, вероятно, ошибся адресом.

– Давайте сделаем так, – предложил Дронго. – Вы оставьте нам вашу методологию, а я постараюсь в ней разобраться, найти некое рациональное зерно. В конце концов, иногда даже полезно быть немного одержимым и верить в подобные вещи. Не обижайтесь, я имею в виду не вас, а себя. Может, у нас действительно что-то получится. Только договоримся сразу. Если ваши записи покажутся мне наивными и лишены реальной основы, я раскритикую вас без всякого ненужного кокетства. Ведь я тоже профессионал, и на

моем счету десятки расследований подобных преступлений.

– Поэтому я к вам и пришел, – вздохнул профессор. – Мне казалось, что именно такой человек может поверить в мою теорию аномальных зон.

– И в вашу теорию имен, гороскопов, дат рождений, неудачных фамилий и «хрупких» отчеств, – добавил Дронго. – Думаю, в ваших наблюдениях и выводах, безусловно, есть некое рациональное зерно, но пока еще слишком маленькое.

– Давайте его вырастим, – предложил профессор. – Поверьте, если мы сумеем спасти хотя бы одного человека, хотя бы одного ребенка, хотя бы одну женщину, только ради этого стоит взяться за подобный проект. Как говорится в Торе, «спасший одного человека спасает весь мир».

– Сейчас выяснится, что вы не Казбек Измайлович, а Пинхас Израйлович, – пошутил Дронго. – Ну, хорошо. Давайте ваши бумаги и расскажите, как нам начать поиски вашего потенциального насильника. А я обещаю достаточно внимательно все прочитать.

Они с Эдгаром даже предположить не могли, что это будет началом самого необычного расследования в их жизни.

Глава 4

Летом его обычно отправляли в пионерский лагерь, а путевку оплачивал комбинат, на котором раньше работала мама. Но она перешла на другое место работы, а там подобных путевок не было. Да и пионерские лагеря в середине восьмидесятых стали не теми образцово-показательными местами для отдыха, какими считались в шестидесятые или семидесятые. Он заканчивал десятый класс довольно неплохо. Мать предлагала попробовать поступить в архитектурный институт, ведь он всегда хорошо рисовал, интересовался современной архитектурой, даже просил дядю Артема присылать из Германии книги по архитектуре. По рисованию и черчению у него всегда были пятерки, а по истории и литературе твердые четверки, что могло гарантировать поступление в вуз при наличии восемнадцати набранных баллов и средней отметке в аттестате выше четырех. У него были только три тройки, но зато целых пять пятерок. Да и тройки эти были незаслуженными и несправедливыми. Одну поставила химичка, причем она изо всех сил пыталась срезать его и на выпускном экзамене. Все из-за того, что была теткой Леонида Стасильникова, и так же, как и отец Лени, считала Мурата и Вениамина виноватыми в том, что произошло с ее племянником. Она изо всех сил старалась завалить на экзамене несчастного мальчика и, хотя он отвечал достаточно неплохо,

хо, твердо решила выставить ему двойку, чтобы не допустить выдачи аттестата этому «нравственному уроду», как она его называла.

Никто из преподавателей, присутствующих на экзамене, не решился вмешаться. Всесильного главного инженера комбината очень боялись, так как большинство родных и близких преподавателей работали на этом производстве. Положение спасла молодая практикантка, увидевшая, как нагло пытаются завалить мальчика. Она вызвала директора школы, отлично сознавая, что тому не нужна испорченная отчетность по выпускникам текущего года. Директор попросил задать несколько новых вопросов и, когда Вениамин уверенно на них ответил, потребовал поставить тройку. Его неожиданно поддержали остальные члены комиссии, и учительнице пришлось сдаться. Вениамин получил свой аттестат, правда, с тремя тройками. Вторую поставил физик, который был мужем учительницы химии, заодно и третью, по астрономии, даже не задав ни одного вопроса по предмету.

После экзаменов Вениамина отправили в деревню к бабушке, матери его отца. Он редко видел ее. После смерти отца бабушка их почти не навещала, занятая своими проблемами и заботами о двух дочерях. Это была крепкая суровая старуха шестидесяти пяти лет, с вечно недовольным лицом и строго сжатыми губами. При встрече она даже не поцеловала внука, лишь кивнула ему в знак приветствия. Она никогда не любила невестку, считая ее виноватой в ранней смерти

сына. Мальчику отвели отдельную комнату в большом двухэтажном доме, где, кроме него, жили еще шесть человек – бабушка, тетка с мужем и трое их детей, двое мальчиков и девочка шестнадцати лет.

Эти летние дни были лучшими в его жизни. Бабушка на самом деле оказалось не такой строгой, как думалось вначале, а тетка вообще в нем души не чаяла. Он быстро сошелся с двоюродными братьями, и они часто совершали набеги на чужие огороды. А вот с двоюродной сестрой отношения не складывались. Как и все девочки ее возраста, она уже достаточно сформировалась и в душе немного презирала этого городского парня, практически ничего не знавшего о деревенской жизни. К тому же кое-какие слухи о его невероятных похождениях неведомым образом просочились в деревню. Возможно, об этом ночью шепотом говорила тетка своему мужу, а девочка слышала их разговор. К чувству презрения прибавилось и острое чувство любопытства. Но она старалась этого не показывать, так как Вениамин все время проводил с ее младшими братьями, которых она считала придурками и недоразвитыми недорослями.

За несколько дней до отъезда Вениамин с братьями побывали на ферме, где разводили племенных жеребцов. Его всегда восхищали лошади, как существа почти абсолютной совершенной формы. Он кормил их теплым хлебом, с удовольствием лаская тело животного, покрытое мелкими бусинками пота.

– Здесь разводят жеребцов, – объяснил старший из братьев, Николай.

– У нас много чемпионов, – добавил младший, Славик.

– К нам даже привозили одного жеребца из Башкирии, – вспомнил Николай. – Он, говорят, очень известной породы и мог сделать нам лучших жеребцов.

– Правильно. Как петушок курочек, – рассмеялся младший брат.

– Опять? – нахмурился Николай. – Сколько раз говорил, чтобы ты не смел об этом вспоминать.

– Я ничего не сказал, – возразил Славик.

– Смотри у меня! – погрозил ему брат.

Когда они возвращались с фермы, Славик побежал вперед, чтобы успеть встретиться с отцом. Они должны были поехать в город. Когда он скрылся за поворотом, Вениамин спросил:

– Чего ты на него так взъелся?

– Чтобы лишнего не болтал, – строго оборвал Николай.

– Я не совсем понял, при чем тут курочки? Что он такого сказал?

– Не нужно притворяться, – посоветовал двоюродный брат. – Мы хоть и не городские, но все знаем, и про город, и про тебя. Просто у нас таких условий нет.

– Что вы знаете? Каких условий?

– Сам знаешь каких.

– Ничего не понимаю, какими-то загадками говоришь.

– Ты разве не был с женщиной? – с возмущением спросил Николай и даже остановился.

Вениамин не ответил.

– Чего молчишь? Или все это вранье?

– Нет, не вранье. Действительно был.

– Понравилось?

– Не очень.

– Да ладно тебе. Я серьезно спрашиваю.

– А я серьезно и отвечаю. Ничего хорошего в этом нет.

– А женщина раздетая была? – возбужденно спросил Коля.

– Нет, одетая, – разозлился Вениамин. – Ты еще маленький такие вещи спрашивать. Тебе только четырнадцать.

– Нашелся взрослый, – обиделся Николай. – Я серьезно, а ты говоришь, что я маленький. Не буду больше с тобой разговаривать. – И ускорил шаг, направляясь к дому.

– Подожди, – догнал его Вениамин. – Действительно. Ничего хорошего. Женщина была взрослая. Мы ей деньги заплатили...

– Много? – оживился Николай.

– Не помню точно. Рублей пятьдесят каждый.

– А сколько человек вас было?

– Четверо.

– Ух ты! – выдохнул Николай. – И все пошли по очереди?

– Нет. Один сбежал, остальные пошли.

– А деньги? – В Коле заговорил бережливый деревенский

парень.

– Какие деньги?

– Которые заплатили. Он их забрал обратно?

– Нет, они остались у женщины.

– Ну и дурак. Нужно было воспользоваться.

– Не дурак, – мрачно ответил Вениамин. – Он самый умный среди нас оказался. Он сбежал, а мы остались и подцепили какую-то гадость. Потом меня так долго лечили!

– Вылечили?

– Говорят, почти вылечили.

– А у нас таких случаев не бывает, – уныло сообщил Николай, – и женщин таких нет. А адреса у тебя не осталось? Меня отец обещал в следующий раз в город взять. Я бы деньги нашел...

– Дурак! – разозлился Вениамин. – Я тебе говорю, что мы заразились, а ты хочешь к ней пойти.

– Опять ругаешься?

– Я не ругаюсь, предупреждаю, чтобы и думать о таком не смел.

– У вас в аптеке специальные резинки продают, – гордо сообщил Николай, – я знаю. Здесь такие вещи не продаются, а в городе, говорят, купить можно.

– Можно, но не нужно, и вообще, хватит на эту тему. Только я все еще не понимаю, при чем тут ваши курочки?

– Так ведь женщин в деревне нету. Никаких. Ни продажных, ни обычных. А те девочки, которые с парнями бывают,

сразу из деревни уезжают, подальше от сплетен. Думаешь, почему моя сестра бесится? На нее никто из местных внимания не обращает...

– Вы курочек для этого используете? – не поверил изумленный Вениамин.

– Вечером покажу, – рассмеялся Николай. – Сам все увидишь.

И он действительно показал.

Об этом не принято писать или говорить, хотя и в просвещенных европейских странах, и в известном своими строгими нравами мусульманском мире, и в католической Южной Америке, не говоря уже об африканской деревне, свой первый сексуальный опыт мальчики в большинстве своем, особенно в сельских местностях, получают при общении с животными или птицами, как бы дико это ни выглядело. Сексуальная энергия требует своего выхода, даже таким необычным и эксцентричным способом. Что, собственно, произошло и на этот раз. Впервые за последние несколько лет Вениамин почувствовал некоторое удовлетворение. Это ощущение живой плоти под руками было необычным и понравилось ему. А когда на следующий день они повторили поход в курятник, он впервые в жизни не ощутил знакомой боли. Может, сказался курс лечения дорогим лекарством, которое прислал дядя Артем? Как бы то ни было, в любом случае он чувствовал себя очень хорошо. Но скоро наступил день отъезда. Надо было готовиться к вступительным экзаменам. Ве-

ниамин тепло попрощался с ребятами, холодно кивнул двоюродной сестре, обнял и поцеловал тетку.

Бабушка вышла его проводить. Она молча смотрела, как он положил свою сумку в машину дяди и сел на переднее сиденье. Когда подошел дядя, протянула ему пачку денег и строгим голосом проговорила:

– Возьми, это для мальчика. Отдашь в городе. Пусть купит для себя все, что захочет. Отца у него нет, так хоть какая помощь будет. Ему еще в институт поступать.

Зять кивнул и забрал деньги. Вениамин помахал из окна бабушке, но она даже не подняла руку, только все смотрела на него.

Едва они отъехали от дома, как дядя передал пачку Вениамину. Он развернул ее и ахнул – четыреста рублей, целое состояние! На такие деньги... Даже страшно подумать, что можно купить на такие деньги. Можно даже съездить в Москву или Ленинград. Почему-то ему очень хотелось именно в Ленинград, который он видел на картинках и по телевизору. Город казался удивительно красивым и идеально распланированным, а каналы Невы и мосты придавали ему особую прелесть. Четыреста рублей. Вениамин даже зажмурился от восторга. Нет, нужно забыть обо всем. Мать так потратилась на его лекарства, даже продала их большую квартиру. Нет, он просто не имеет права думать об этих деньгах, как о своих. Все отдаст матери. Все, до последней копейки. Задержав дыхание, он еще раз посмотрел на эту невероятную

пачку и решительно положил ее в карман.

Всю дорогу он мучительно думал, что делать с деньгами и, если оставить себе, как их потратить. А когда приехал домой и увидел уставшие глаза матери, тут же протянул ей пачку, сказав, что это подарок от бабушки. Мать расплакалась и сказала, что все деньги потратит на самого Вениамина. В результате он стал обладателем новой куртки, нового костюма, нового плаща, новой пары обуви и двух новых рубашек в целлофановых пакетах. Оставшихся денег хватило на две пары колготок для старшей сестры и на новые стекла очков для матери...

Вступительные экзамены Вениамин сдал успешно, и вскоре приказ о его зачислении был вывешен на доске объявлений института. Найдя в списке свою фамилию, он радостно улыбнулся. Жизнь казалась такой прекрасной! А с первой стипендии новоявленный студент купил матери флакон французских духов. Получив подарок, мать долго плакала счастливыми слезами.

А через год произошло то, что не должно было произойти. Но произошло и изменило его жизнь навсегда.

Глава 5

Дронго за два дня честно ознакомился с предложениями профессора Гуртуева и тут же про них забыл. Они были по-своему интересны своими парадоксальными выводами, точными наблюдениями и статистическими данными. Но всего лишь в качестве экстравагантной теории, которую невозможно предложить серьезным ученым и криминалистам. Особенно поражала теория об именах, фамилиях и отчествах, влияющих на судьбу вместе с датами рождения. Такие забавные истории можно рассказывать друзьям за ужином, но в расследованиях их не используешь.

Так прошло несколько недель. За другими событиями Дронго почти забыл о визите профессора Гуртуева, а тот не напоминал о себе и не беспокоил его. Восемнадцатого числа у старого знакомого Дронго, генерала Сергея Шаповалова, был день рождения. Генерал отмечал свое сорокапятилетие и пригласил несколько гостей в ресторан, в том числе и Дронго, с которым уже много лет поддерживал теплые отношения. В числе приглашенных за столом оказался и Гуртуев. По странной прихоти судьбы места их оказались рядом. Увидев профессора, Дронго мысленно обругал себя, что так и не перезвонил Казбеку Измайловичу, показав себя тем самым не очень обязательным человеком.

Улучив удобный момент, он наклонился к Гуртуеву со

словами:

– Я внимательно прочитал все ваши бумаги, Казбек Измайлович.

– И не нашли в них ничего интересного, – горько усмехнулся профессор.

– Почему? Очень много полезной и нужной информации.

– Настолько нужной, что вы даже не захотели со мной еще раз встретиться и переговорить.

– Меня не было в Москве, – соврал Дронго. – Я собирался позвонить вам и договориться о встрече для более обстоятельной беседы.

– Вы, конечно, ничему не поверили, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Гуртуев. – Нашли мою теорию забавной, но и только. А я думал, что вы – человек, обладающий независимым мышлением. Простите, я не хотел вас обидеть.

– Ничего, – улыбнулся Дронго, – я не обижаюсь. Просто у меня нет полномочий, необходимых для проверки вашей теории. Лучше обратитесь к практикам, например, к генералу Шаповалову. Может, ему будет интересно познакомиться с вашими таблицами. Вы ведь наверняка близко знакомы, раз приглашены сегодня.

– Мы знакомы около двадцати лет, – кивнул профессор. – Все дело в том, что к нему первому я и обратился. Он все прочитал и вежливо посоветовал мне специалистов, применяющих нетрадиционные методы расследования, конкретно

вас.

Наступило неловкое молчание. Наконец Дронго предложил:

– Давайте все-таки созвонимся и договоримся о следующей встрече.

Это была всего лишь вежливость. И оба понимали, что Дронго никогда не найдет времени и не перезвонит своему гостю, чтобы обсудить с ним его теорию. Кто-то из гостей поднялся, чтобы сказать очередной тост, и они прекратили разговор, даже не подозревая, что встретятся достаточно скоро.

Прошло два месяца. Было около десяти утра, когда в квартире Дронго раздался звонок, и в трубке послышался знакомый голос генерала Шаповалова.

– Доброе утро. Извини, что звоню так рано. Но я хотел бы срочно увидеться. Сможете ко мне подъехать?

– Конечно. Если звоните в десять утра, очевидно, случилось нечто исключительное.

– Вот именно. Могу прислать за вами машину.

– Нет, спасибо, сам доберусь. Только закажите мне пропуск. Буду минут через сорок.

Дронго положил трубку и бросился в ванную комнату, чтобы успеть принять душ и побриться. Уже из ванной позвонил водителю, попросив срочно подъехать к его дому. Ровно через сорок минут он уже находился в приемной генерала. Секретарь пропустила его без доклада. В кабинете

Шаповалова сидел какой-то мужчина в штатском – лет сорока, среднего роста, с небольшими залысинами, сероглазый, с небольшим шрамом на подбородке, крепкий, подтянутый. Увидев Дронго, генерал поднялся и крепко пожал ему руку. Он был в форме, к удивлению Дронго, видевшего его в погонах только один раз, и то давно.

– Знакомьтесь, – представил их друг другу Шаповалов. – Полковник Резунов, руководитель отдела нашего министерства. А это господин Дронго, известный эксперт и аналитик. Согласно рейтингу Интерпола, входит в пятерку самых известных сыщиков мира.

– Обычное преувеличение, – сказал Дронго, пожимая руку полковника.

– Виктор Андреевич, – коротко произнес тот, и все трое устроились в креслах за столом.

– Давайте сразу начнем, – предложил генерал и повернулся к Дронго. – Два месяца назад вы были у меня на юбилее и видели господина Гуртуева, с которым я знаком уже много лет. Он известный криминалист и психоаналитик. Скажу откровенно, на его счету десятки уголовных дел, в которых он помогал нам разоблачать разных преступников, маньяков, людей, выдающих себя за психопатов. А несколько месяцев назад он познакомил меня со своей теорией, показавшейся тогда странной и несколько необычной. Признаюсь, до недавнего времени я не очень-то верил в разные прогнозы и астрологическую чушь. Все эти определения по горо-

скопам или именам представлялись мне полным бредом. А когда господин Гуртуев познакомил меня со своей теорией, где упоминаются еще и аномальные магнитные зоны, я вообще решил, что эти выкладки лучше показать частным экспертам, которые могут ими заинтересоваться. Мы же практики, слишком приземленные существа, чтобы призывать на помощь другие планеты или солнце.

Однако, как оказалось, я был не совсем прав. Казбек Измайлович настаивал, что в ближайшее время может появиться опасный преступник в районе уральской аномальной зоны. Я не слишком поверил его словам, ведь мы каждый день фиксируем несколько тысяч преступлений по стране, среди которых бывают тяжкие и особо тяжкие. Но одно дело – обычные преступники, и совсем другое, когда появляется маньяк, возникновение которого предсказал Гуртуев. Такой маньяк действительно появился...

– Примерно полтора месяца назад у нас пропала в Уфе молодая женщина. Каждый день пропадают или исчезают тысячи людей, и никто бы не обратил внимания на подобный факт, если бы труп молодой женщины не нашли на чердаке заброшенного здания. Ее изнасиловали и убили. Труп обнаружили достаточно быстро, там шли строительные работы, и тело не успело разложиться. Башкирская милиция начала поиски неизвестного убийцы. А еще через месяц в Челябинске пропадает другая молодая женщина. На этот раз поиски велись очень интенсивно. Она оказалась супругой местного

чиновника, занимающего достаточно ответственный пост в областной администрации. На поиски были брошены все силы областной и городской милиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.